

Коля, Коля, Николай

ДАТА

Сегодня исполняется 90 лет со дня рождения поэта Николая Михайловича Якушева.

Он родился в Москве, много и не всегда по своей воле кочевал по России, долгие годы хлестал лагерную баланду, а после освобождения из лагеря поселился в Рыбинске...

В 1920 году поездом из столицы в Краснодар выехала с нехитрым скарбом семья участника октябрьских боев в Москве Михаила Якушева. Глава семейства с женою и четырехлетний Коля. Отцу предписали внедрять на Кубани большевистский порядок. Ждала его чекистская должность, да не какая-нибудь захудалая, а в тройке по борьбе с бандитизмом и в продовольственном комитете.

В Краснодаре отец ходил на работу с наганом, возвращался усталый и дерганый. А Коля жил рядовой детской жизнью тех лет: школа, пионерские сборы. И еще писал первые стихи.

Отца перевели в обширную кубанскую станицу Кореновскую (теперь город Кореновск). С повышением перевели – на партийную работу – председателем рабоче-крестьянской инспекции. Коле надо ехать с ним. Школа рабочей молодежи, потом работа в технической мастерской, сначала учеником, затем токарем по металлу. Взяли на работу в райком ВЛКСМ заведующим общим отделом: как же, чистое пролетарское происхождение, и отец на виду.

Отца перебросили в Воронеж. Коля рос, окончил курсы по подготовке в вуз, поступил в Воронежский лесотехнический институт. Но стихи не давали покоя, стучали в виски – лесом заниматься всякий может, а у тебя поэтический талант – может, вторым Пушкиным станешь. Перевелся на литературный факультет пединститута.

И стихи полились, заструились. В институтской многотиражке замелькали. А вот и областная газета «Молодой коммунар» принимать их стала. В молодежном литобъединении при альманахе «Литературный Воронеж» не скулят на похвалы: «Эх, Коля, Коля, Николай – быть тебе таким знаменитым, как Жаров или Светлов!»

ОШИБАЛСЯ ЭТОТ СЛЕДОВАТЕЛЬ

В начале 1937-го года приехал в Воронеж с циклом лекций московский литературовед Исаак Маркович Нусинов. Не простой литературовед, а революционный. Правда, уже не такой р-р-революционный, как молодости, кается на лекциях, что увлекался вульгарным социологизмом. Но какой знаток! И в русской, и в зарубежной литературе!

Молодые поэты потянулись к Нусинову с заветными тетрадочками стихов. И Николай тоже. Мэтр его стихи похвалил и посоветовал перейти к нему в Московский пединститут имени Крупской. Птица-удача! Однако больше они с Нусиновым не виделись. В том же году Ко-

ля был арестован по обвинению в контрреволюционных взглядах. Мэтра заграбастали уже после войны, в 49-м, но в лагерях их тропки не пересеклись: Нусинова расстреляли за какие-то неведомые ему грехи.

Контрреволюционного студенческого кружка, в котором якобы состоял Николай Якушев, при более позднем рассмотрении не обнаружилось. Ну, случались, конечно, у студентов идеологические разговоры, как же без них. Иной раз и спор возникнет – можно ли избежать спора. Ведь если на все сто взгляды совпадают, то и говорить не о чем. Но тогда рассуждали иначе: в споре бывает прав лишь один, кто не отклоняется от верного курса. А кто с ним спорит, тот уже враг. А если спорит убежденно, то значит враг убежденный. А такому место где?

Обыденно для того времени начался переломный этап в жизни студента литфака Коли Якушева. С обыска. Что в коробе, набитый письмами, нашлись конверты и от давнего друга, кого уличили в троцкизме, уже было неопровержимой уликой. Некоторых студентов, с которыми Николай свел в совместном заговоре, он даже не знал. Самым модным сроком было 10+5. То есть десять лет в лагере и пять поражения в правах. В своем позднем дневнике, пронизанном воспоминаниями о тех годах, Николай Якушев напишет: «Мы не знали точно, что такое «поражение», и ходил слух, что один остроумный следователь сказал:

– А это вот что: отсидишь десять лет, а потом пять лет будешь поражаться, как сумел отсидеть».

Ошибался этот следователь: я всю жизнь поражаюсь, как я сумел выжить в эти годы».

Я ЧУТЬ НЕ ЗАПЛАКАЛ

Во снах страшная эта жизнь преследовала его до последних дней. Из дневника 1980 года:

«Камера или барак в 150 человек – плохое место для размышлений. Надо было думать только об одном: о сегодняшнем дне, о пайке хлеба, о лишней миске баланды».

Было сделано все, чтобы превратить человека в рабочую лошадь, лишить его способности мыслить, анализировать. Жизнь была упрощена до предела: жизнь – смерть, работа – хлеб. Когда в 1941 году весной я впервые услышал музыку (радио, патефон), я чуть не заплакал. Четыре года я не слышал ничего, кроме блатных песенок. Это были звуки из другого мира, возвратиться в который было очень мало шансов.

Так были упущены лучшие годы, в которые человеку приходит созревание чувств и мыслей. У меня эти годы были отобраны, не потому ли я думаю сейчас и стараюсь решить для себя вопросы, о которых был должен думать (и решать их) в тридцать лет. Как бы там ни было, так или не так, но уровень моего мышления остался уровнем недоучившегося студента. Этому и подчинить оставшиеся годы».

Эти слова были излишне самокритичны. Годы отсидки

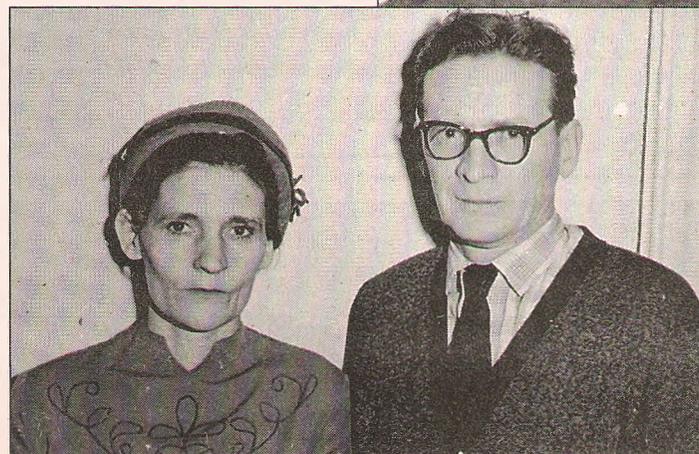
были для Николая Якушева годами приобретения ценнейшего опыта. Он приходил к нему и как результат напряженных размышлений, и как итог борьбы за выживание в экстремальных условиях, как следствие его общения с лучшими людьми страны, потому и удивившими за колючую проволоку, что лучшие.

ТЫ СВОБОДЕН, ПОГУЛЯЙ

В апреле 1953-го Николай Якушев был выпущен на волю. «Коля, Коля, Николай, ты свободен, погуляй», – с хитрой улыбкой сказал ему на прощание надзиратель. Николай уехал к еще живым тогда родителям в Краснодар, поступил на работу в кузнечный цех, женился и в 1954 году вместе с женой Корой переселился к ее родителям в Рыбинск. Здесь прошли его тридцать главных лет – поэтических.

Поначалу стихи не шли. Может, препятствовал страх, что напряжение и взлет мысли нарисуют картины, за какие можно сызнова загреметь туда, откуда счастливо вышел. Или мешало предубеждение и наив-

Николай Якушев в детстве с родителями (фото конца 20-х годов) и с женой после переезда в Рыбинск.

ная вера, что репрессии, искоренившие страну, – это не прямое следствие большевистской идеологии, а отступление от праведных ленинских норм. Такое проповедовалось и документами XX съезда партии. Еще не реабилитированный в 1956 году, Николай Якушев публикует в коллективном сборнике «В пути», где были собраны произведения членов литературной группы при газете «Рыбинская правда», стихи о Ленине. Но душе уже невозможно приказать: вирши получились казенные, однообраз-

его, якушевский, и это понимал всякий, кто что-то соображал о жизни.

ЗУБАТЫЙ КОВШ

В 1959 году Николай Якушев реабилитирован, все обвинения, по которым он отрубил 10 лет, признаны надуманными. В Верхне-Волжском книжном издательстве грянула первая книжка «Высокий берег», появилась уверенность, что с «ошибками» власть покончила навсегда, и теперь ждет прямой путь к светлым высотам.

И вправду, казалось, все к тому и идет: начались самые счастливые годы жизни Николая Якушева. 1962 год – сборник стихов «Старт». 1963 – принят в Союз писателей СССР. 1965 – сборник «Годовые кольца». В 1965 году поступил на высшие литературные курсы, два года жил в Москве, общаясь с будущими классиками Николаем Рубцовым, Анатолием Жигулиным, Давидом Самойловым, другими. В 1967 году с отличием окончил курсы, и в том же году появился его четвертый сборник с простым и

ные, как кузнечные поковки. Но было одно стихотворение «Фотография друга», которое резко выделялось из всех других стихов сборника – и якушевских, и прочих:

*И вспомнишь место
в жиденькой оправе
Болотных недоразвитых осин.
Мы забивали гулкими копрами
Стальные сваи
вглубь глухих трясин.*

И хотя в стихотворении говорилось о каком-то паренке в юнгштурмовке, смахивавшем на Павку Корчагина, опыт был

Николай ЯКУШЕВ

*Волк уходил легко и резко,
собачий лай за ним утих.
Но в мерзлых зарослях подлеска
комком свинца
его настиг.
Уже обложенный облавой,
теряя кровь,
почти без сил,
тугое горло волкодава
он, как тростник, перекусил.
На ослабевших сразу лапах
он уходил
покуда мог.
Но тошнотворный
крови запах
его упрямо валит с ног.
И вот -
конец игре без правил.
Он обрывает тяжкий бег.
Своею кровью наст расплавил*

СТИХИ О ЖЕСТОКОСТИ

*и головой уткнулся в снег.
И сразу
солнечное утро
вдруг потускнело без причин.
А этот мир,
простой и мудрый,
вдруг стал почти неразличим.
Еще он слышал,
как ритмично
скрипела старая сосна.
Была страшна и непривычна
в ушах, как вата, тишина.
Он сердце слышал
еле-еле,
и крови гульки толчки.
И стеклени, стеклени
его недвижные зрочки.
Но довелось
увидеть волку
как прямиком, через овраг,*

*шел человек,
неся двустолку
его исконный, страшный враг.
И неуклюже,
по-щенячьи,
навстречу он пополз к нему.
Как бы застыл
в глазах незрячих
вопрос последний:
– Почему?
Кто виноват, что на планете
за право жить
Ведется спор! –
И человек ему ответил
из двух стволов, почти в упор.
И утро шло
и шло с востока,
мета поземкой в феврале...
Тупая, злобная жестокость,
еще ты бродишь по земле.*

уверенным названием «Стихи». Вернувшись домой в Рыбинск, продолжал писать, не подходе новый сборник. Стихи становятся все мастеровитее и все жестче:

*То место было знаменито
по песни каторжным словам...
Горячий выдох аммонита
Подножье сопки разорвал,
И вот на этом самом месте,
гремя обломками скалы,
зубатый ковш с породой вместе
над нами поднял кандалы...*

Оттепель протянулась недолго. Лагерную тему объявили неактуальной, сбивающей людей с толку и нежелательной в журналах и книжных издательствах. Над страной маячила зловещая тень командора. Но хотя власть и не решилась на реабилитацию «отца народов», пошло закручивание гаек. И тогда Солженицын выпалил в ответ своим знаменитым письмом съезду писателей.

Николай Якушев привез это письмо из Москвы в Рыбинск и был уличен в его распространении. Начался новый этап его мытарств.

В ДОМ ПРИШЛА НИЩЕТА

Выпуск уже подготовленной к печати книги остановлен. На собрании ярославской писательской организации рассматривается вопрос об исключении из Союза. Ограничились строгим выговором. Но сверху уже поползла по партийной линии телега. На работу куда не берут, нечем кормить семью. Вот тогда он и начинает свой дневник.

«В дом пришла нищета. Мы залезли в долги, из которых неизвестно, как будем выпутываться».

Только в 1973 году вышла его книга «Вторая половина дня». Нашлась какая-никакая работа, но до самого конца жизни висело над ним подозрение в ненадежности, представление как о затаившемся враге народа. Это, а не что другое привело его к инфаркту, а потом и к смерти.

Николай Якушева похоронили на Южном кладбище Рыбинска. Могильная яма была доверху заложена водой, гроб с поэтом ушел в земную глубину.

ХОРОШО БЫТЬ ПАМЯТНИКОМ

Однажды случилось так, что после нашего совместного выступления в пединституте Николай Якушев опоздал на рыбинскую электричку, и я взял его ночевать к себе. Ни свет ни заря он проснулся и засобирился на вокзал. На уговоры подождать, пока рассветет, не поддавался. Пришлось идти его провожать, заодно я взял прогулять собаку. Зимнее утро было темным. Собаке почему-то не понравился в темноте памятник Толбухину, и она принялась на него лаять. Николай приостановился и сказал с иронической завистью:

– Хорошо быть памятником. Облаивают, а тебе хоть бы что.

Сегодня, по случаю девяностолетия, одной из рыбинских библиотек будет присвоено имя Николая Якушева. И я думаю, что к столетию ему откроют памятник.

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ.